

О ЧУМНЫХЪ ЗАБОЛѢВАНІЯХЪ ВЪ МОНГОЛІИ.

Ю. Д. Талько-Грынцевича.

Спѣшу подѣлиться краткими свѣдѣніями о заразной болѣзни, бывшей въ Монголіи, слухи о появленіи которой вызвали немалую панику среди населенія сосѣдняго Забайкалья.

Вслѣдствіе распоряженія г. временнаго губернатора Забайкальской области, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1899 года я былъ командированъ для разслѣдованія характера заразной болѣзни, господствовавшей нынѣшнею осенью въ Монголіи. По собраннымъ мною даннымъ оказалось, что съ конца августа и въ сентябрѣ мѣсяцѣ текущаго года въ С.-З., С.-В. и Ю.-З. Монголіи существовала одна и та же эпидемическая болѣзнь на людяхъ, весьма заразительная и безусловно смертельная, симптомы которой, по общей молвѣ, выражались въ очень высокой температурѣ тѣла, головной боли, бредѣ, боли въ груди, одышкѣ, кровохарканьѣ, а иногда въ легочномъ и носовомъ кровотеченіи, и больные умирали послѣ 2 или 3 дней болѣзни; часто болѣзнь продолжалась лишь нѣсколько часовъ и убивала какъ молнія.

Въ С.-З. Монголіи въ мѣстности, отстоящей отъ Урги въ 450—500 верстъ, на разстояніи 12 почтовыхъ станковъ, болѣзнь появилась первоначально, по разсказамъ монголовъ, живущихъ въ этой мѣстности, въ хошунѣ Миханъ-Гуна на южной границѣ этого хошуна съ Тушету-хановскимъ княжествомъ, гдѣ 20 человѣкъ (изъ нихъ 6 или 7 китайцевъ и 14 или 13 монголовъ) взялись за раскопку древней каменной могилы, будучи увѣрены, благодаря гаданію мыргинъ-ламы (ламы-ворожея), что найдутъ тамъ кладъ. Это происходило въ послѣднихъ числахъ августа. На довольно большой

глубинѣ дѣйствительно былъ найденъ кладъ, состоявшій изъ глиняной посуды, въ которой лежало много слитковъ серебра высшей пробы; стоимость клада нѣкоторые оцѣнивали въ 500, а другіе въ 1000 ланъ. Передаютъ, что будто бы, кромѣ слитковъ, еще найдены были въ могилѣ серебряныя вазы и другія украшенія. Обрадованные такою находкой, искатели клада прожили подлѣ могилы 8 дней и здѣсь пировали; пили ханшину, ѣли баранину, а въ особенности байбаковъ-тарбаганъ, за которыми охотились (послѣднихъ здѣсь весьма много). Три сосѣдніе хошуна—Миханъ-Гуна, Мишикъ-Гуна и Тушету-хановское княжество—отличаются большимъ обиліемъ байбаковъ въ сравненіи съ сосѣдними хошунами, гдѣ ихъ немного. Мясо этихъ животныхъ составляетъ любимое кушанье тамошняго населенія. Болѣли ли тамъ въ то время тарбаганы, мнѣ не удалось узнать. Пировавшіе здѣсь 20 человѣкъ заболѣли и въ одинъ день всѣ умерли. Смерть ихъ окрестные жители приписываютъ дѣйствію подземнаго духа Газарей-Эдзинъ, „который будто бы мстилъ людямъ" за то, что они ворвались въ его подземное царство. Въ продолженіе восьмидневнаго пира пріѣзжалъ сюда народъ изъ окрестностей, чтобы осмотрѣть кладъ или получить изъ него что-нибудь въ свою пользу, и сами искатели тоже разъѣзжали по ближайшей окрестности. Между прочимъ они послали нѣсколько серебряныхъ слитковъ ламѣ, имъ ворожившему, который вскорѣ заболѣлъ и умеръ; сюда же пріѣзжалъ китаецъ изъ мѣстности „Тырма" (Жерновой камень) за полученіемъ долга; возвратившись домой, онъ тоже заболѣлъ и умеръ. Отъ него, какъ говорятъ, никто не заразился. Другой китаецъ изъ Урги, бывшій при раскопкахъ, пріѣхалъ въ Мишикъ-Гуновскій хошунъ, гдѣ заболѣлъ и умеръ, а потомъ и много другихъ. Разсказы о причинѣ болѣзни въ послѣднее время стали значительно удаляться отъ настоящей дѣйствительности. Такъ, напримѣръ, мнѣ приходилось слышать, что нѣкоторые китайцы въ Ургѣ приписывали заболѣваніе тому, что Мишикъ-Гунъ велѣлъ выселять изъ своихъ владѣній всѣхъ торгующихъ тамъ китайцевъ. Одни уѣхали, а другіе, у которыхъ товаръ былъ еще не проданъ, не могли этого такъ скоро исполнить, почему онъ заставилъ ламъ начитывать на нихъ изъ „харономъ" (Черная книга) заразную смертоносную болѣзнь, чтобы этимъ путемъ отъ нихъ освободиться. Эпидемія ограничилась тремя хошунами: Миханъ-Гуна, Мишикъ-Гуна и Тушету-хановскаго княжества, и за все время отъ конца

августа до конца сентября умерло отъ нея монголовъ и торгующихъ тамъ китайцевъ, по однимъ слухамъ, до 200, а по другимъ до 300 человѣкъ. Паника, вызванная большою смертностью населенія, заставила принять мѣры противъ распространенія болѣзни. Владѣтельные князья Гуны и самъ Тушету-ханъ приказали своимъ чиновникамъ во что бы то ни стало прекратить болѣзнь, грозя, что въ случаѣ ослушанія они будутъ строго наказаны. Всякое сообщеніе съ зараженными мѣстами было прекращено, устроенъ строгій карантинъ и, наконецъ, сожжены юрты, гдѣ были заболѣвшіе, и жители укочевали на новыя стоянки. Эти мѣры вмѣстѣ съ наступившими въ концѣ сентября холодами прекратили эпидемію. Говорятъ, что много выкопаннаго серебра побросали или закопали обратно, чтобы умилостивить прогнѣваннаго духа земли. Вышепоименованные хошуны находятся на такомъ же разстояніи отъ города Урги, какъ и отъ Троицкосавска, при чемъ въ Троицкосавскъ идетъ оттуда прямая дорога, минуя Ургу. Изъ этихъ-то сѣв.-зап. хошуновъ, куда поѣхало торговать 9 ургинскихъ китайцевъ, болѣзнь была занесена въ Ургу. Отправившіеся китайцы были изъ двухъ лавокъ Куреня (6 изъ лавки Идзо-ченъ и 3 человѣка изъ Ишинъчанъ). Торговля ихъ заключалась въ обмѣнѣ китайскихъ товаровъ на мѣстные сырые продукты, какъ-то: шкуры, мѣха, сало и другіе, которые обыкновенно привозятся въ Ургу какъ на центральный рынокъ; здѣсь они размѣщаются по лавкамъ или увозятся какъ въ Калганъ, такъ и въ Кяхту, а еще больше въ западную Монголію и оттуда въ Россію. Изъ 9 торговавшихъ въ хошунахъ китайцевъ 6 тамъ умерло, оставшіеся въ живыхъ 3 человѣка, напуганные болѣзнью, между 12 и 16 сентября бѣжали изъ хошуновъ въ Ургу; были ли съ ними отправлены товары, достовѣрно неизвѣстно. По дорогѣ заболѣлъ и умеръ везшій ихъ монголъ. Двое пріѣхавшихъ изъ хошуновъ китайцевъ остановились въ Ургѣ въ гостиницѣ „Барунъ-дянь“, находящейся въ с.-з. сторонѣ Куреня, гдѣ на другой же день заболѣли аналогичною болѣзнью и вскорѣ померли. Черезъ нѣкоторое время умерли въ этой же гостиницѣ двое жившихъ тамъ китайцевъ; чѣмъ они болѣли—неизвѣстно; русскими, проживающими въ Курени, замѣчено, что послѣ этого въ теченіе нѣсколькихъ дней улица была загорожена и прекращено сообщеніе съ этою гостиницей по распоряженію китайскихъ властей. Третій китаецъ, выѣхавшій изъ кошуновъ прежде двухъ вышеупо-

мянутыхъ и гнавшій овецъ въ Ургу, остановился въ китайской лавкѣ Лунъ-чанъ, находящейся рядомъ съ домомъ торговой фирмы гг. Коковина и Басова; онъ живъ и здоровъ по настоящее время, но объясненія какія бы то ни было давать отказывается. Въ октябрѣ мѣсяцѣ было замѣчено, что приказчики лавки Идзо-ченъ выѣзжали за городъ на Калганскій трактъ, приняли тамъ привезенные сырые товары, оставленные умершими въ хошунахъ китайцами, и отвезли таковые въ Ургинскій маймаченъ, отстоящій на 5 верстъ отъ Куреня, остатки же привезенныхъ непроданныхъ товаровъ помѣстили въ гостиницѣ „Барунъ-дянь". Трупы умершихъ въ гостиницѣ были въ гробахъ отвезены на кладбище, находящееся ближе маймачена, и тамъ поставлены среди другихъ на открытомъ воздухѣ съ цѣлью отправленія ихъ лѣтомъ на родину *). Китайскіе гроба дѣлаются изъ дерева и плотно закрываются сбоку, въ головахъ дѣлаютъ четыреугольное отверстіе.

Другимъ мѣстомъ заболѣванія была сѣв.-вост. Монголія, гдѣ въ теченіе сентября мѣсяца свирѣпствовала эпидемія. По собраннымъ даннымъ Императорско-Россійскимъ генеральнымъ консульствомъ въ Ургѣ черезъ посредство Ургинскаго манчжурскаго амбаня, вслѣдствіе отношенія г. военнаго губернатора Забайкальской области (основаннаго на донесеніи Верхне-Ольхунскаго станичнаго атамана отъ 2 октября, за № 2146, и телеграммы Акшинскаго окружного начальника), оказалось, что въ 700 верстахъ на С.-В. отъ г. Урги, на разстояніи 20 почтовыхъ станковъ отъ нея, вблизи границы Манчжуріи (Баргутовъ) въ улусѣ Барунъ-Субурганъ, хошуна Самъ-Бейсэ, аймана Цеценъ-Хановскаго, по рѣкѣ Керулэну, недалеко города Минчуна (Керулэнъ-Орто) свирѣпствовала эпидемія. Здѣсь симптомы и теченіе болѣзни были такіе же, какъ и въ сѣв.-зап. Монголіи. Причиною эпидеміи, отъ которой умерло до 80 человѣкъ, по мнѣнію монголовъ, было употребленіе въ пищу мяса дохлой антилопы („дзерена"). Съ наступленіемъ морозовъ и благодаря своевременному принятію самими жителями мѣръ, состоявшихъ въ прекращеніи всякаго сообщенія съ больными и перекочевкѣ на другія стоянки, болѣзнь съ октября мѣсяца прекратилась.

Наконецъ, третьимъ мѣстомъ самостоятельно вспыхнувшаго за-

*) Часто гроба стоятъ въ ожиданіи отправки и по нѣсколько лѣтъ, а гроба бѣдняковъ остаются здѣсь навсегда.

болѣванія была юго-зап. Монголія, гдѣ осенью 1899 года, какъ передаютъ слухи въ Убуръ хошунахъ Цзунъ-Сунида и Дари-Ганса-Хунпчинѣ придворнаго вѣдомства, свирѣпствовала та же болѣзнь. Собранныя мною отъ ургинскихъ старожиловъ свѣдѣнія доказываютъ, что болѣзнь съ подобными же нынѣшней эпидеміи симптомами не разъ навѣщала Монголію, но проходила незамѣченною и была ближе извѣстна лишь той мѣстности, которую посѣщала, гдѣ населеніе энергически принятыми мѣрами изоляціи послѣ первыхъ жертвъ прекращало эпидемію. Нынѣ, благодаря лишь тому, что болѣзнь была занесена въ Ургу, это вызвало панику среди русской колоніи — 150 человѣкъ, изъ которой до 90 человѣкъ живутъ въ Курени, какъ торговцы, скученно среди китайскаго населенія, остальные 60 живутъ въ Русскомъ консульствѣ, помѣщающемся въ 4 верстахъ отъ Куреня на возвышенномъ мѣстѣ, при лучшихъ санитарныхъ условіяхъ.

Есть указанія на то, что нынѣшняя болѣзнь давно была извѣстна монголамъ. Говорятъ, что древніе буддійскіе религіозные законы воспрещаютъ употребленіе въ пищу тарбаганьяго мяса и посѣщеніе храма въ шубѣ изъ мѣха этого животнаго. Есть слухи, что въ 60-хъ годахъ этого столѣтія, когда въ Ургѣ господствовала какая-то смертоносная эпидемія, ургинскій хутухта воспретилъ охоту за тарбаганами, также и употребленіе ихъ мяса. Изъ эпидемій прошедшихъ лѣтъ извѣстно, что въ 1888 году на рѣкѣ Иро, въ 150 верстахъ на Ю.-З. отъ Урги, умерло до 15 монголовъ. Въ 1889 г. въ послѣднихъ числахъ іюля мѣсяца, въ 250 верстахъ на югъ отъ Урги по торговому Калганскому тракту Хойрпнъ-дзамъ, въ мѣстности Шилинъ-худунъ, вымерли 4 юрты монголовъ (до 30 человѣкъ). Прекращеніе сообщенія, сожженіе юртъ и переходъ на новыя кочевки прекратили эпидемію. Ламы-врачи („эмчи-лама“), какъ говорятъ, приписывали тогда эпидемію болѣзни байбаковъ, у которыхъ замѣчено было эпидемическое заболѣваніе. Въ 1897 году въ октябрѣ мѣсяцѣ на границѣ хошуновъ Харданъ-Чженомъ Бэйса и Алхай-Гуна Тушету-хановскаго княжества, въ мѣстности Изаръ Иргилыкъ на юго-вост. отъ Урги, въ 250—300 верстахъ, въ 9 уртонахъ, т. е. почтовыхъ станціяхъ, по тракту Дархамъ-дзамъ въ Долонoръ вымерло 6 юртъ. Вначалѣ ламы лѣчили больныхъ, но когда многіе изъ нихъ померли, отказывались совсѣмъ лѣчить. Замѣчено, что заболѣванія происходили отъ употребленія въ пищу больныхъ тар-

багановъ. Въ этомъ же году позднею осенью болѣзнь была, вѣроятно, занесена въ Ургу, гдѣ было нѣсколько смертныхъ случаевъ, и, какъ меня увѣряли очевидцы, послѣ двухъ или трехъ дней болѣзни, съ симптомами повышенія температуры, бреда, головной боли, боли въ груди и кровохарканія наступала смерть. Были случаи, въ которыхъ больные умирали при такихъ же симптомахъ, идя по улицѣ, внезапно.

Я старался узнать у ламъ, знаютъ ли они эту болѣзнь, которая отъ времени до времени навѣщаетъ Монголію и наводитъ страхъ на мирное ея населеніе. Одинъ изъ ламъ, пользующихся успѣхомъ лѣченія среди русской колоніи, увѣрялъ меня, что прогнѣванныя божества (бурханы) ниспосылаютъ грѣшникамъ заразную болѣзнь, и назвалъ ее тибетскимъ именемъ „хиджинъ“, но мнѣ кажется, что онъ симптомовъ болѣзни не знаетъ. Другой лама, можетъ быть, случайно назвалъ болѣзнь „шара убучи“ (черная болѣзнь), какъ будто указывая этимъ названіемъ на то, что болѣзнь эта въ старину была распространена въ Монголіи, или ее названіе заимствовано изъ Европы и напоминаетъ т. н. черную смерть. Наконецъ, одинъ изъ высокопоставленныхъ ламъ чистосердечно сознался, что оба названія невѣрны, такъ какъ они болѣзни съ такими симптомами не знаютъ, тѣмъ болѣе, что страхъ ламъ передъ всѣми заразными болѣзнями заставляетъ ихъ убѣгать отъ подобныхъ больныхъ и отказываться лѣчить. Извѣстно тоже, что монголы боятся настоящими именами называть заразныя болѣзни, чтобы ихъ не прогнѣвать, а называютъ ихъ разными ласкательными именами, какъ-то: цвѣтъ, красота, милость и т. д.

Въ Ургѣ ламы объясняли монголамъ, что эпидеміи нынѣшней осени вызваны весеннимъ затменіемъ луны, и если бы оно было полное, то моръ на людей могъ быть еще сильнѣе; а болѣе невѣжественное населеніе объясняло себѣ эпидемію еще нагляднѣе, а именно, что ламы будто бы спрашивали Богдо-Гегена о причинѣ эпидеміи, и онъ имъ указалъ на то, что часть луны съѣли собаки. Какъ я уже говорилъ выше, въ сѣв.-вост. Монголіи считали причиною болѣзни дохлую антилопу, въ сѣв.-зап.—найденное серебро, а, по другимъ слухамъ, вынутыя изъ гробовъ тѣла покойниковъ-китайцевъ для обычнаго вывоза ихъ въ Китай.

Хотя манчжурскій амбань, когда ему представляли опасность, могущую угрожать всѣмъ жителямъ, утѣшался тѣмъ, что болѣзнь

страшна лишь для бѣдняковъ, но не для него, и хотя монголы объясняютъ своеобразно причину болѣзни, опытъ, однако, научилъ, что предохранительныя средства, при инстинктивномъ страхѣ передъ больными и умершими, сожженіе ихъ вещей и юртъ тушатъ среди нихъ появившіеся очаги заразы, чему способствуетъ также и ихъ пастушеская жизнь. Въ гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ для развитія эпидеміи живутъ китайцы въ тѣсныхъ, темныхъ и лишенныхъ свѣжаго воздуха жилищахъ. Болѣзнь, развившаяся среди нихъ, при ихъ жадности къ заработку и коммерческой подвижности легко могла бы принять болѣе широкое распространеніе.

Эпидемія, господствовавшая въ нынѣшнемъ году въ трехъ мѣстностяхъ Монголіи, какъ я выше сказалъ, есть болѣзнь не новая, а повторяющаяся періодически; болѣзнь эта очень прилипчивая и безусловно смертельная, такъ какъ не пришлось слышать, чтобы кто-нибудь изъ заболѣвшихъ ею выздоровѣлъ. Симптомы этой болѣзни напоминаютъ индійскую чуму или такъ называемую черную смерть XIV вѣка. Во всѣхъ случаяхъ, насколько мнѣ приходилось слышать, выступало пораженіе легкихъ (Pneumonia pestosa). Принимая въ вниманіе географическое положеніе Монголіи, ея отдаленность отъ мѣстъ заболѣванія чумой, какъ Индостанъ, южный Китай, Тибетъ и Манчжурія, ея огромныя малозаселенныя пространства и, наконецъ, особыя климатическія условія, неблагопріятныя для продолжительнаго сохраненія бактерій заразныхъ болѣзней (о чемъ болѣе подробно было сказано въ моей работѣ „Климатъ Троицкосавска-Кяхты“), а также и то, что болѣзнь появлялась отдѣльными разбросанными гнѣздами, можно положительно отвергнуть мнѣніе о занесеніи болѣзни съ юга, а, напротивъ, признать ее самостоятельно развившеюся при извѣстныхъ благопріятныхъ для того условіяхъ. Такія же эпидемическія гнѣзда, но только бубонной чумы (Pestis bubonum) были описаны въ сосѣднемъ съ Монголіей Акшинскомъ округѣ Забайкальской области д-ромъ Бѣлявскимъ [1]). Болѣзнь обусловливалась высокою температурой, головною болью, бредомъ, разстройствомъ органовъ пищеваренія и воспаленіемъ железъ бедреныхъ, подмышечныхъ, рѣже паховыхъ и шейныхъ. Смерть наступала на 3—4 день болѣзни. Въ первый разъ выяснилась связь между заболѣ-

*) Записка по поводу 7 смертныхъ случаевъ въ п. Соктуевскомъ (Тарбаганья чума) (Прот. засѣд. Забайк. Общ. Врачей въ Читѣ за 1894—1895 г., стр. 35—43). Чита. 1897.

ваніемъ людей и тарбагановъ въ октябрѣ 1888 г., когда въ 40 верстахъ отъ поселка Кулусутая Чиндантской станицы, въ юртѣ улуса Ульза, найдено было 6 труповъ бурятъ, умершихъ отъ неизвѣстныхъ причинъ. По требованію судебныхъ властей было произведено вскрытіе врачомъ Акшинской больницы Ашманомъ, который на другой день по пріѣздѣ въ Акшу заболѣлъ и умеръ, а фельдшеръ Цаганъ-Олуевскаго лѣчебнаго пункта Юдинъ, находившійся при вскрытіи, доѣхавши до Чинданта, былъ найденъ въ повозкѣ мертвымъ. Всего умерло тогда 8 человѣкъ.

Въ 1889 году въ концѣ августа въ п. Соктуевскомъ заболѣло и умерло 11 человѣкъ при такихъ же симптомахъ.

Въ 1891 году въ томъ же Соктуѣ умерло два сына казака Э., 16 и 5 лѣтъ. Кромѣ того, въ этомъ же году въ г. Акшѣ казакъ Г. ѣздилъ за скотомъ въ Монголію, гдѣ ѣлъ съ монголами тарбагановъ; пріѣхавши домой, онъ черезъ 3 дня умеръ, а отъ него заразилось и умерло еще 5 человѣкъ изъ 13 его семьи. Переболѣли подававшіе помощь заболѣвшимъ врачъ Уткинъ и фельдшеръ Саватѣевъ. Одинъ изъ семьи Г. былъ отвезенъ въ больницу, куда его не приняли, потому онъ былъ отвезенъ въ домъ П., гдѣ и умеръ, а за нимъ умерли хозяева дома.

Въ 1894 году въ п. Соктуевскомъ 27 августа М. поѣхалъ въ Цаганъ-Олуй на судъ съ маленькою собакой, которая дорогой задавила 6 тарбагановъ. Привезъ онъ ихъ домой, 2 сентября заболѣлъ, а черезъ три дня умеръ, и отъ него заразилось 6 человѣкъ изъ семьи; только двое остались здоровыми. Къ 48 случаямъ заболѣванія тарбаганьей чумой, зарегистрованными д-ромъ Бѣлявскимъ, можно отнести неотмѣченныя имъ заболѣванія въ апрѣлѣ 1888 года въ томъ же округѣ въ улусѣ Кункуръ Агинскаго вѣдомства, между Чиндантомъ и Агой, гдѣ умерло въ 2 юртахъ 9 бурятъ, какъ мнѣ передавало одно изъ проживавшихъ тамъ въ то время заслуживающихъ довѣрія лицъ *), такъ что число зарегистрованныхъ смертныхъ случаевъ отъ чумы въ этой мѣстности будетъ 57. Замѣчаемъ, что болѣзнь избрала для себя мѣстность юго-восточной части Акшинскаго округа и въ особенности поселокъ Соктуевскій, въ которомъ повторялась три раза—въ 1889, 1891 и 1894 годахъ. Это зависѣло, вѣроятно, также отъ обилія здѣсь тарбагановъ и поэтому болѣе

*) Г-нъ Б. Р. Рабдановъ.

частаго ихъ заболѣванія. Мѣстность эта прилежитъ къ сѣв.-вост. Монголіи, гдѣ въ нынѣшнюю осень происходили заболѣванія.

Подобно тому, какъ въ Индостанѣ въ 1881 году убѣдились, что причина чумнаго заболѣванія людей есть болѣзнь, передающаяся имъ отъ грызуновъ—мышей и крысъ, наблюдаемые случаи заболѣванія съ 1888 года въ Акшинскомъ округѣ показали, что аналогичная болѣзнь переходила здѣсь къ людямъ отъ заболѣвшихъ байбаковъ, съ тою только разницей, что въ Индостанѣ передавателями болѣзни отъ крысъ и мышей бываютъ блохи, клопы, мухи и другія насѣкомыя; здѣсь же пока констатированы только случаи зараженія людей отъ непосредственнаго прикосновенія съ больными байбаками, употребленія въ пищу ихъ мяса, а въ особенности снятія съ нихъ шкурокъ.

Мы остановимся теперь на описаніи этихъ животныхъ, очень распространенныхъ какъ въ восточной Сибири, такъ и въ Монголіи. Семейство сурковыхъ (Arctomys) распадается на двѣ группы: на сусликовъ и свищей, которыхъ зоологи стали различать лишь въ послѣднее время. Сурки (Arctomys marmota) живутъ преимущественно въ Европѣ, на высокихъ мѣстностяхъ Альпъ, Пиренеевъ и не сходятъ никогда за предѣлы лѣсовъ. Они отличаются какъ строеніемъ, такъ и цвѣтомъ своихъ покрововъ. Свищи отличаются своею неуклюжестью, имѣютъ крѣпкое строеніе, большую и широкую голову, хвостъ короткій и пушистый, зрачекъ круглый, защечныхъ мѣшковъ не имѣютъ. Къ этой группѣ принадлежитъ и байбакъ (Arctomys bobac.—монгольск. тарбаганъ), морда у него и окологлазіе темно-желтаго цвѣта, затылокъ, спина и брюхо ржаво-сѣро-желтыя, передніе зубы бѣлые. Длина тѣла 15 дюйм., хвостъ почти 3 дюйма. Байбакъ живетъ въ восточной Европѣ, начиная съ Галиціи, въ южной Польшѣ и Буковинѣ, водясь на всемъ пространствѣ южной Россіи и въ южной Сибири, и, хотя до сихъ поръ восточная граница его распространенія точно еще не опредѣлена, можно полагать, что она доходитъ до Восточнаго океана. Извѣстно, что онъ водится во многихъ мѣстахъ Азіи, въ обширныхъ безлѣсныхъ равнинахъ или въ долинахъ, въ холмистыхъ низменностяхъ, гдѣ строитъ себѣ норы на солнечныхъ мѣстахъ. Огромное множество мышей, крысъ и байбаковъ водится въ Забайкальѣ, а еще болѣе въ сосѣдней съ нею Монголіи, изобилующей большими незаселенными пространствами, гдѣ есть много священныхъ (за-

повѣдныхъ) мѣстъ, въ которыхъ ихъ не истребляютъ, какъ, напримѣръ, на горѣ Богдо-Ула (святая гора), въ Ургѣ, гдѣ безчисленное множество тарбагановъ.

Мясо байбака считается большимъ лакомствомъ какъ у монголовъ, такъ у бурятъ и русскихъ въ Забайкальской области. Находятъ, что вкусъ его, при особенномъ специфическомъ запахѣ, напоминаетъ гуся, а по другимъ—поросенка. Монголы приготовляютъ его чаще всего такъ: снявши кожу и вынувъ внутренности, наполняютъ его раскаленными камнями и засыпаютъ горячимъ пепломъ, а потомъ прикрываютъ землею; приготовленный этимъ способомъ, байбакъ бываетъ очень вкуснымъ. Въ самой Ургѣ, несмотря на многочисленность ея населенія, тарбаганье мясо мало употребляется въ пищу, такъ какъ значительную часть населенія составляютъ ламы (до 15 тысячъ), которые, кромѣ бараньяго и скотскаго мяса, другого не ѣдятъ.

Охота на байбаковъ, хотя и доставляетъ много труда промышленникамъ, за-то хорошо оплачивается: среднимъ числомъ байбакъ даетъ до 5 фунтовъ жира, который отличается особенною нѣжностью и употребляется не только для смазыванія ремней и кожъ, но иногда и для освѣщенія какъ у бурятъ, такъ и у русскихъ. Самый большой спросъ имѣетъ мѣхъ байбака, такъ называемый тарбаганій; непрочность и рѣдкость его волоса вознаграждается низкою цѣною. Вывозятъ его какъ въ Россію, такъ и въ Китай. Китайцы закупаютъ тарбаганьи шкурки въ большомъ количествѣ и высылаютъ ихъ или черезъ Калганъ на югъ, или на главный рынокъ въ Ургу, гдѣ, послѣ сортировки, онѣ разбираются разными торговыми фирмами и вывозятся черезъ Кяхту, а еще больше — милліоны шкурокъ—черезъ западную Монголію, Кашегачъ и Бійскъ—въ Россію.

Байбаки, какъ извѣстно, подвергаются зимней спячкѣ, въ которой пребываютъ отъ сентября до марта. Такъ какъ осенью они наиболѣе жирны и отличаются самою пушистою шерстью, то въ это время года за ними болѣе всего охотятся. Въ это-то именно время, какъ было замѣчено въ Акшинскомъ округѣ, въ чемъ также удостовѣрились и въ Монголіи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ больше водится, какъ, напримѣръ, въ п. Соктуевскомъ въ 1889, 1891 и 1894 гг. или въ западной Монголіи, появляется у байбаковъ извѣстная болѣзнь, отъ которой ихъ много погибаетъ. Больные не прячутся въ

норы и дольше бѣгаютъ осенью по полю. По даннымъ, собраннымъ д-ромъ Бѣлявскимъ въ Акшинскомъ округѣ, больные байбаки не лаютъ, они вялы, походка ихъ неровная, подъ мышками иногда замѣчается красная флюктуирующая опухоль. Чумныхъ байбаковъ выгоняютъ изъ норъ, а дохлыхъ выносятъ здоровые ихъ сожители. Въ это время они и являются легкою добычей для промышленниковъ, а еще болѣе для собакъ.

Между достопримѣчательностями Урги нужно отмѣтить несмѣтное множество собакъ разныхъ породъ, и нигдѣ въ мірѣ, можетъ быть, естественное скрещиваніе видовъ расъ не происходитъ въ такомъ множествѣ и такъ произвольно, какъ въ священномъ городѣ Урги „Дакуре". Множество собакъ въ дикомъ состояніи живетъ во рвахъ, наводя страхъ на мѣстное населеніе, у котораго они извѣстны подъ кличкой „людоѣдовъ". Питаются они падалью и человѣческими трупами при обрядѣ бросанія труповъ-покойниковъ, ибо такое погребеніе самое почетное для вѣрующаго буддиста. Зимою, въ особенности во время сильныхъ морозовъ, когда у людоѣдовъ голодовка, а количество пищи имъ недостаточно, они заѣдаютъ другъ друга, сами дѣлаются добычею волковъ, а также бываютъ случаи, что и люди становятся ихъ жертвой. Однимъ словомъ, здѣсь идетъ самая первобытная борьба за существованіе. Говорятъ, напримѣръ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ собаки стащили съ лошади и съѣли ѣхавшаго верхомъ монгола, а недавно происходилъ не менѣе трагическій эпизодъ. Старуха-монголка съ двумя молодыми внучками возвращалась въ сумерки изъ кумирни. Изъ прилежащаго къ дорогѣ оврага набросились на нихъ собаки и, разорвавши на части, объѣли до костей тѣла несчастныхъ. При большой бѣдности монголовъ, изъ которыхъ многіе питаются травами и кореньями, залитыми кипяткомъ и отбросами изъ китайскихъ лавокъ, есть тутъ и нищіе, живущіе на улицахъ, которые иногда всю зиму лежатъ рядомъ съ собаками на мерзлой землѣ, прикрывая свои полуобнаженныя тѣла толстымъ слоемъ всякаго тряпья, валяющагося на улицѣ. Изъ милости проходящіе бросаютъ имъ пищу или кости. И люди эти влачатъ свое мизерное существованіе, не погибая съ голода и не замерзая — до чего вынослива человѣческая натура! Собаки, какъ мнѣ передавали, не трогаютъ при жизни этихъ несчастныхъ, раздѣляя съ ними тяжелую участь, и лишь послѣ смерти дѣлятъ между собою ихъ тѣла, какъ наслѣдство. Собаки, какъ

и волки, истребляющіе какъ животные, такъ и человѣческіе остатки, исполняютъ здѣсь до извѣстной степени полезную роль санитаровъ: они съѣдаютъ безнаказанно попадающихся имъ осенью чумныхъ байбаковъ, между тѣмъ какъ люди при легкой охотѣ заражаются отъ байбаковъ какъ при употребленіи ихъ мяса, такъ еще болѣе при сниманіи ихъ шкуры и получаютъ аналогичную болѣзнь съ чумой, которая въ Акшинскомъ округѣ обусловливалась преимущественно бубонной формой, а въ Монголіи пораженіемъ легкихъ. Обѣ болѣзненныя формы отличались сильною прилипчивостью и почти безусловною смертельностью. Если допустить, что моръ часто поражаетъ байбаковъ, но рѣдко передается людямъ, то это можно объяснить тѣмъ, какъ это вѣрно замѣчаетъ д-ръ Бѣлявскій, что въ Забайкальѣ населеніе умѣетъ распознавать тарбаганью болѣзнь, замѣчая у нихъ, кромѣ бывающихъ иногда подмышечныхъ опухолей, запекшуюся кровь на лапкахъ при разрѣзѣ на нихъ кожи, и такихъ, говорятъ, выбрасываютъ на съѣденіе собакамъ. Умѣютъ ли монголы отличать здоровыхъ байбаковъ отъ больныхъ, мнѣ узнать не удалось.

Причина эпидемической болѣзни въ Монголіи, по моему, тождественна съ таковою же въ Забайкальѣ, а именно зараженіе отъ чумныхъ байбаковъ съ разными только симптомами заболѣванія. Хотя случаи заболѣванія уже давно прекратились, нельзя поручиться за то, что съ наступленіемъ весны или осени опять гдѣ-нибудь не появятся новые очаги заразы. Конечно, очень возможно, что при безпечности и скрытности монголовъ, болѣзнь, вспыхнувшая вдали отъ большихъ трактовъ, можетъ пройти и незамѣченною. Вообще для болѣе широкаго распространенія эпидемія не находитъ здѣсь благопріятныхъ климатическихъ условій. Даже поздняя осень со своими короткими и пасмурными днями, вездѣ такъ благопріятная для сохраненія живыхъ болѣзнетворныхъ бактерій, въ Ургѣ не находитъ мѣста. Уже съ конца ноября ночные морозы доходятъ до 20° R. при сильныхъ утреннихъ туманахъ, которые уже къ 8 часамъ утра исчезаютъ, небосклонъ разъясняется, солнце при дивной прозрачности воздуха ярко свѣтитъ, согрѣвая своими жаркими лучами. Вѣтеръ, дующій со страшною силой и никогда не покидающій Монголію, при низкомъ барометрическомъ давленіи и сухости воздуха, играетъ роль естественной вентиляціи въ этой горной странѣ, возвышающейся до 1,250 метровъ надъ поверхностью моря, создаетъ

въ ней чистый воздухъ и исправляетъ тѣ плачевныя санитарныя условія, которыя здѣсь создавали и создаютъ люди.

Борьба съ заразною болѣзнью въ государствѣ, такъ плохо организованномъ, какъ Китай, представляетъ иностранцамъ много непреодолимыхъ трудностей. Извѣстно, какъ китайскія власти въ Ургѣ относятся ко всѣмъ заявленіямъ касательно санитарныхъ мѣръ, предлагаемыхъ Россійскимъ консульствомъ, и какъ своеобразно таковыя толкуютъ. Когда, 2 года тому назадъ, управлявшій въ то время консульствомъ, В. Ѳ. Люба, въ виду принятія мѣръ противъ занесенія чумной болѣзни съ юга Китая и Манчжуріи, писалъ къ манчжурскому амбаню, тотъ въ отвѣтъ прислалъ ему философское изреченіе, что „добро и зло происходятъ отъ боговъ, и человѣкъ долженъ имъ повиноваться“. Недавно, когда консульство обратилось за свѣдѣніями къ амбаню по поводу запроса въ противочумной комиссіи о мѣстахъ заболѣванія тарбагановъ, оно получило въ отвѣтъ, что по собраннымъ справкамъ оказалось, что монголы не могутъ ничего знать о тарбаганахъ, такъ какъ послѣдніе не составляютъ домашняго скота. Поэтому нужно было сдѣлать много уступокъ и ограничиться пока минимумомъ въ борьбѣ съ эпидеміей съ желаніемъ, чтобы предлагаемыя мѣры были исполняемы. Онѣ имѣли въ виду ограниченіе мѣстной эпидеміи, и тѣмъ предупрежденіе занесенія ея въ предѣлы Россіи. Мѣры эти, предложенныя мною, послѣ разсмотрѣнія въ засѣданіи 27 ноября въ Императорско-Россійскомъ генеральномъ консульствѣ въ Ургѣ, при участіи представителей русской колоніи, и благодаря энергіи управляющаго консульствомъ В. В. Долбежева, приняты къ исполненію китайскими властями. Онѣ относились къ слѣдующимъ пунктамъ:

1. Просить китайскія власти подъ надзоромъ консульства произвести немедленно дезинфекцію гостиницы „Барунъ-дянь“ въ Ургѣ, въ которой были смертные случаи отъ чумы.

2. Побуждать китайскія власти хотя бы къ ежегоднымъ періодическимъ очисткамъ Урги, по мѣрѣ возможности, хотя бы весною и осенью.

3. Распространять среди китайскаго и монгольскаго населенія и ихъ властей краткое описаніе чумы и рекомендуемыхъ противъ нея мѣръ (въ переводѣ).

4. Имѣть какъ въ консульствѣ, такъ и въ русскихъ торгующихъ домахъ дезинфицирующія средства, известь и зеленое мыло

и раздавать таковыя безплатно китайцамъ, монголамъ и ихъ властямъ.

5. Просить какъ русскихъ, проживающихъ въ Ургѣ, такъ и китайскихъ властей наблюдать и о всякомъ подозрительномъ случаѣ, болѣзни или смерти сообщать консульству для принятія мѣръ противъ распространенія эпидеміи.

6. Признано необходимымъ, не говоря о многочисленной русской колоніи (свыше 150 человѣкъ) при частыхъ случаяхъ появленія чумы въ разныхъ мѣстахъ Монголіи, чтобы въ Ургѣ былъ постоянный врачъ, который могъ бы слѣдить за эпидеміями, тѣмъ более, что болѣзнь не только въ дальнихъ, но и въ ближайшихъ къ русской границѣ хошунахъ проходитъ незамѣченною, не говоря объ Ургѣ съ ея многотысячнымъ населеніемъ, куда съ начала лѣта до осени стремится множество народа для поклоненія Богдо-Гечену, не говоря о движеніи торговомъ, посредствомъ котораго какъ черезъ Кяхту, такъ и черезъ западную Монголію на Ирбитскую ярмарку болѣзнь могла бы быть занесена въ предѣлы Россіи. Проф. А. М. Левинъ въ недавно читанномъ имъ докладѣ въ засѣданіи I отдѣла общества охраненія народнаго здравія въ С.-Петербургѣ „О чумной эпидеміи въ с. Колобовкѣ въ 1899 г.“ *), основываясь лишь на изслѣдованіяхъ Matignon'а и Заболотнаго, нашедшихъ въ отдаленномъ уголкѣ ю.-в. Монголіи, почти въ двух-тысяче-верстномъ разстояніи отъ г. Урги, чумный очагъ, допускаетъ возможность занесенія болѣзни въ Астраханскую губернію изъ Монголіи при паломничествѣ въ Ургу калмыковъ изъ ихъ степей, облегающихъ какъ извѣстную Ветлянку, такъ и нынѣ Колобовку. Теперь, когда мы знаемъ о появленіи въ разныхъ мѣстахъ Монголіи самостоятельныхъ очаговъ заразы, распространеніе эпидеміи представляетъ еще болѣе опасности.

Характеръ эпидемической болѣзни, появляющейся въ Монголіи и Забайкальѣ, изучатъ въ будущемъ болѣе подробно бактеріологи и рѣшатъ, происходитъ ли эта болѣзнь отъ одной общей съ индійскою чумой бактеріи, или отъ отдѣльной, какъ равно и то, почему въ Забайкальѣ происходили бубонныя заболѣванія, а въ Монголіи лишь легочныя. Можетъ быть, въ будущемъ нѣкоторые захотятъ отрицать тождество этой болѣзни съ чумой и увидятъ новую

*) Врачъ 1899, № 49.

неизвѣстную форму болѣзни, какъ это было недавно съ эпидеміей въ Колобовкѣ Астраханской губерніи, однако теперь, благодаря собраннымъ фактамъ, поддерживаемымъ наблюденіями, сдѣланными въ Забайкальѣ, я предполагаю, что какъ здѣсь, такъ и въ Монголіи мы имѣемъ чумное заболѣваніе и что къ многочисленнымъ эндемическимъ гнѣздамъ этой болѣзни, разбросаннымъ по всему земному шару, а въ особенности разсѣяннымъ по обширному пространству Азіи, какъ въ Гонконгѣ, Гималайскихъ горахъ, Юналѣ, на границѣ Тонкина, наконецъ, въ Манчжуріи, слѣдуетъ причислить также Забайкалье и Монголію.

Печатано по распоряженію Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Товарищество типографіи А. И. Мамонтова, въ Москвѣ.